

КЛАДЫ

СОСТАВ, ХРОНОЛОГИЯ,
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.

Муромов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Исторический факультет

Кафедра археологии

КЛАДЫ:

СОСТАВ, ХРОНОЛОГИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Материалы тематической научной конференции

Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.

Санкт-Петербург
2002

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КЛАДОВ

а) ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

И.В. Дубов (†), В.Н. Седых

*Российский Этнографический музей,
Санкт-Петербургский государственный университет*

О ВОЗМОЖНЫХ ПРИЧИНАХ СОКРЫТИЯ КЛАДОВ ВОСТОЧНЫХ МОНЕТ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И СКАНДИНАВИИ

Данная тема уже давно находится в центре внимания как российских, так и скандинавских исследователей. Выдвинуто несколько возможных вариантов решения этой чрезвычайно сложной проблемы.

Одни ученые полагают, что все клады носили *культовый характер* и посвящались богам или знатным умершим. Другие считают, что эти сокровища прятали в землю в случае *военной опасности* и по каким-то причинам не были востребованы, скорее всего, погибали их владельцы. Третьи думают, что это серебро скрывали от своих же сородичей, как *частную собственность*; либо оно принадлежало общинам, и их владельцы-ремесленники боялись хранить в мастерских такое значительное количество серебра: они доставали дирхамы для нужд производства по мере необходимости, переплавляя их на амулеты и украшения, но почему-то не успевали использовать полностью эти схороны.

В древности помещение денег в землю было повседневным, обычным явлением, что было обусловлено отсутствием возможности организованного и надежного их хранения. Кроме того, земля, как древний «сейф», обеспечивала сохранность денег во время частых в эпоху средневековья пожаров. Письменные источники свидетельствуют о зарытии сокровищ в землю на Ру-

си во второй половине XI в. (Потин 1993). Иноземцы, жившие в России в XVII в., отмечали в своих записках странный, по их мнению, русский обычай хранить деньги в земле, «...по обычаю, заимствованному от предков» (Мейерберг 1873).

Мнению о преимущественном сокрытии кладов в периоды общественных потрясений противоречит *тщательная подготовка* перед зарытием в землю большинства обнаруженных кладов (например, помещение в горшок, залитый затем воском или смолой, и др.).

Зафиксированные находки кладов под камнями, в озерах/реках и под деревьями или их остатками могут объясняться желанием заметить место, где зарыт клад. Вместе с тем, этнографические данные, народные предания и письменные источники свидетельствуют о почитании и поклонении древних славян деревьям, камням, озерам и источникам, которым они приносили жертвы. Часть находок кладов, таким образом, может рассматриваться в качестве жертвоприношений.

Видимо, могут быть и другие объяснения, однако важен тот факт, что и в Древней Руси, и в Скандинавии известно большое число кладов восточных монет. По количеству найденного в них серебра они значительно превышают количество сделанных из него украшений и амулетов. Большое значение для выяснения причин сокрытия кладов дирхамов имеют обнаруженные на некоторых кладовых монетах граффити в виде отдельных рунических знаков или даже целых надписей. В связи с этим, безусловно, необходимо рассмотреть вопрос о связи граффити с культовым назначением кладов восточных монет.

Напомним, что некоторые рунические знаки, зафиксированные на монетах, означают «неурожай», «град», «лед», «нужда», «болезни», «язва» и т. п., другие же, наоборот, носят благоприятный характер, а именно — «богатство», «процветание», «добро», «солнце», «урожайный год». Известны такие знаки и на монетах, происходящих из Тимеревского клада. Причины сокрытия клада на поселении у дер. Большое Тимерево под Ярославлем окончательно неясны. Московский археолог Л.В. Алексеев выдвинул гипотезу, согласно которой это сокровище было спрячено в землю в период борьбы кривичей и других племен с дружинами Олега во время похода на Киев. Позволим себе усомниться в такой трактовке, ибо, во-первых, данные события разделяет почти два десятилетия (864/865 гг. — дата клада и

882 г. — поход на Киев); во-вторых, Олег действовал на Днепровском пути «из варяг в греки», а Тимерево и соответственно клад находятся далеко от этой водной артерии, а именно на Великом Волжском пути «из варяг в хвалиссы».

Причины сокрытия кладов у северных народов в эпоху раннего средневековья весьма разнообразны и, очевидно, не имеют однозначных решений. Очевидно, вслед за учеными-нумизматами можно разделить все клады на две группы: *экономические* или *возвратные*, сокрытые с целью сохранения, и *культовые* или *безвозвратные* — жертвы, приношения.

На ранних этапах развития денежного обращения формирующихся феодальных государств функция накопления стимулирует интенсивное образование *сокровищ*. Излишки денег в крупных торгово-ремесленных и военно-административных центрах могли оседать в земле и превращаться в сокровище, которое могло быть востребовано в моменты «денежного голода».

Можно предполагать, что, несмотря на активное участие в трансъевропейской торговле, культурных, политических и иных связях, для населения Древней Руси, да, впрочем, и Скандинавии, клады не были в полной мере явлением экономическим, и богатству, видимо, придавался в некоторых случаях *сакральный характер*. Это типично для определенной стадии общественно-го развития. Так, в период расцвета Великого Волжского пути и интенсификации дальних торговых связей — в X в. — клады практически отсутствуют, в то время как разнообразие импорта свидетельствует о широком участии местного населения в международной торговле. Можно думать, что в IX–X вв. внешний и внутренний обмен находились на таком уровне, когда в операции не обязательно было участие торгового эквивалента (в данном случае — арабской серебряной монеты) и поэтому сокровища попадали в землю.

Интересны в этом плане примеры из жизни многих варварских племен. Так, скандинавы считали необходимым являться в загробный мир к богу Одину с сокровищами. В «Саге об Инглингах» говорится, что Фрейр после смерти был перенесен в большой курган, в котором сделали дверь и три окна; все подати были ссыпаны в курган, «в одно окно — золото, в другое — серебро, а в третье — медные деньги. И благоденствие и мир сохранились». Этот пример поясняет, какое значение придавалось спрятанным богатствам, — они не просто сопровождали покой-

ника в мир иной, а являлись *жертвоприношением* богам с целью обеспечения мирной и спокойной жизни живущим. В таких случаях серебряные монеты не использовались в качестве средства внутреннего обмена, т. е. деньгами в подлинном смысле этого слова не являлись.

Одно из рунических граффити, обнаруженное на монете, дает основания сделать определенные предположения о причинах зарытия Тимеревского клада. Эта уникальная надпись интерпретирована как «Бог» или «Боги». Следовательно, данная монета могла входить в состав культового клада или просто придавала зарытому сокровищу сакральный характер. Конечно, это всего лишь предположение, поскольку надпись могла быть сделана задолго до попадания монеты в клад, и у нас нет никаких оснований утверждать, что Тимеревский клад был зарыт в землю именно скандинавом, знающим руны. Однако, в целом положение о том, что в некоторых случаях клады были не только спрятанными богатствами, но и приношением богам, безусловно, необходимо учитывать. В шведских кладах на монетах с граффити надписи старшими рунами **gud** («бог(и)») и надписи младшими рунами **kup** с тем же значением — наиболее часты. Таким образом, граффити на восточных монетах могли наноситься как в качестве знаков собственности, так и с целями магическими, ритуальными.

О.А. Щеглова

Институт истории материальной культуры РАН

КЛАДЫ «ДРЕВНОСТЕЙ АНТОВ»: ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НА ФОНЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Короткая заметка всего на три странички текста без иллюстраций, помещенная среди филологических статей вышедшего в 1928 году сборника в честь академика А.И. Соболевского, обозначила проблему, которая до сих пор остается актуальной и дискуссионной в славяно-русской археологии, и определила круг источников для ее решения. Заметка называлась «Древности антов» и автором ее был А.А. Спицын. В небольшой публикации были перечислены и охарактеризованы, как некое единство, случайные находки и отдельные клады предметов декоративно-прикладного искусства из Среднего Поднепровья, самыми ярки-

ми образцами которых являлись пальчатые фибулы, которые до тех пор были в основном предметом коллекционирования, оседали в частных собраниях (А.А. Бобринского, В.И. и Б.И. Ханенко, В.В. Тарновского, Н.К. Рериха, А.И. Бранденбурга и других) и пополняли экспозиции музеев, но предметом исследования не становились. А.А. Спицын датировал бытование рассматриваемых предметов VI–VII вв. н. э. и связал их с антами письменных источников, место и время обитания которых «севернее Меотиды» как раз совпадало с районом и временем распространения кладов и случайных находок пальчатых фибул. Поскольку многообразие типов вещей в кладах ни в коей мере не сводилось к фибулам, которые были лишь яркой диагностической их чертой, то название «древности антов» прочно закрепилось за совокупностью отдельных находок и комплексов и живет в археологической литературе до сих пор.

На примере истории изучения «древностей антов» легко наблюдать, как один и тот же материал, иногда вне прямой зависимости от приращения базы источников, то привлекает волну исследовательского интереса, то на долгие годы остается за рамками интерпретаций и дискуссий. Во многом это обусловлено особенностями формирования источниковедческого контекста, из которого клады, как специфическая категория археологических источников, нередко выпадают.

Для кладов «древностей антов» можно выделить как несколько этапов накопления материала, так и несколько не во всем связанных с ними этапов их изучения.

Первый, «**собирательский**» этап или «**этап количественного накопления**» приходится на период с 60-х гг. XIX в. до конца 20-х гг. XX в. В этот период формируются частные коллекции поднепровских древностей, и к исследователям поступают вещи из 11 кладов или информация об их находках: Нижняя Сыроватка — 1863 г.; Воробьевка — 1881 г., Малый Ржавец — 1889 г., Пастырское — 1892 г., Хацки — 1893 г., Колосково — 1895 г., Киев — 1896 г., Мартыновка — 1907 г., Козиевка/Новая Одесса — 1920 г., Зайцев — 1923 г., Углы — 1925 г. Сведения именно об этих находках кропотливо собраны А.А. Спицыным в его знаменитых «Корочках» и сгруппированы в подборках «Анты» (РА ИИМК РАН Ф. 5, дело № 334) и «Раннее русское» (РА ИИМК РАН Ф. 5, дело № 329), и именно на основа-